

HSE
BIBLIOTHECA
SELECTA

LAIMONAS BRIEDIS

VILNIUS

SAVAS IR

SVETIMAS

ЛАЙМОНАС БРИЕДИС

ВИЛЬНЮС

ГОРОД

СТРАННИКОВ

Перевод с литовского Таисии Орал
Второе издание

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2021

УДК 908
ББК 63.3(4)
Б87

Серия «HSE Bibliotheca Selecta»
Основана в 2020 г.
Кураторы: Елена Иванова, Александр Павлов

Перевод с литовского Таусии Орал

Перевод выполнен при поддержке
Института культуры Литвы

Бриедис, Лаймонас

Б87 Вильнюс: Город странников [Текст] / Лаймонас Бриедис ; пер. с лит. Т. Орал ;
Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд. — М. : Изд. дом Высшей
школы экономики, 2021. — 335, [1] с.: ил. — (HSE Bibliotheca Selecta). — 1000 экз. —
ISBN 978-5-7598-2540-1 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-2400-8 (e-book).

В книге литовско-канадского географа и историка культуры Лаймонаса Бриедиса рассказывается история мультикультурной столицы Литвы начиная с ее «рождения в Европе» XIV века и до наших дней. Вильнюс как «географическая личность» и «исторический герой» показан глазами посетивших его «чужаков». Опираясь на многочисленные источники на разных языках, автор прослеживает, какими картографическими, политическими и культурными смыслами наделялся город в разные периоды своей истории. Столица языческого княжества глазами католических миссионеров; барочный город на просторах мифической Сарматии глазами европейских картографов; польская провинция глазами знаменитого путешественника и натуралиста Георга Форстера; город периода войны 1812 года глазами венского врача Йозефа Франка; Вильна в составе Российской империи глазами русских классиков (Александра Островского, Федора Достоевского, Льва Толстого); оккупированный город в годы Первой мировой войны глазами немецкого солдата-фланёра; загадочная еврейская Вильна глазами немецкого писателя-модерниста Альфреда Дёблина — вот лишь некоторые из сюжетов, вошедших в полифоническое повествование о Вильнюсе.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 908
ББК 63.3(4)

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-2540-1

ISBN 978-5-7598-2540-1 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-2400-8 (e-book)
ISBN 978-9955-23-697-9 (лит.)

© Laimonas Briedis, 2015
© Перевод на русский язык.
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2020; 2021

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вступление к русскому изданию	8
Пролог. Отправные точки	13
Глава первая. На заре Европы	21
Глава вторая. На просторах Сарматии	47
Глава третья. В тени Просвещения	77
Глава четвертая. На перекрестке империй	107
Глава пятая. В тисках России	165
Глава шестая. На ландкарте Германии	211
Глава седьмая. В зеркале народов	249
Глава восьмая. В вихрях Европы	287
Список иллюстраций	324
Использованная литература	327
Алфавитный указатель	330

...моему отцу, Юлюсу-Витаутасу

В С Т У П Л Е Н И Е К Р У С С К О М У И З Д А Н И Ю

На берегах реки широкой,
Что лентой синей улеглась,
Как обновленная гробница,
Лежит литовская столица...

Александр Жиркевич. Картинки детства. 1890

Польско-американский поэт Чеслав Милош писал о сизифовой участи повествователя, задумавшего обнажить душу его родного города. Милош провел свои детство и юность в межвоенном Вильнюсе, когда город, в то время называвшийся Вильно, был частью Польши. Поэт навсегда покинул Вильнюс летом 1940 года, в самом начале серии судьбоносных преобразований, которые пережила современная Литва. В период военных перемен дорогой Милошу «сну подобный город» превратился «в лихорадочную вавилонскую башню». Милош предчувствовал отчуждение, и «не только потому, что иной флаг развевался над Замковой горой, изменились названия улиц и язык указателей»¹. В пространстве европейского поля боя Вильнюс был безвозвратно «тонущей льдиной»². До боли знакомый поэту город с каждым днем всё больше походил на призрак. Спустя десятилетия так и не вернувшийся в Вильнюс Милош признался: «Мне видится несправедливость», — парижанин, например, «не обязан возвращать свой город из небытия всякий раз, когда хочет его описать». Нарративная — воображаемая — сила Парижа (или, скажем, Санкт-Петербурга и Москвы) зиждется на богатстве аллюзий, поскольку город «существует в произведениях пера, кисти и резца; даже если бы он исчез с лица земли, его можно было бы воссоздать в воображении».

¹ *Milosz Cz. Native Realm: A Search for Self-Definition* / transl. by C.S. Leach. Berkeley: Univ. of California Press, 1981. P. 206.

² *Ibid.* P. 207.

И наоборот, каждый раз, когда Вильнюс попадает в поле зрения, его образ истончается до силуэта. Как следствие, мысленно возвращаясь к городскому ландшафту, на фоне которого разворачивалась значительная часть его жизни, Милош «вынужден сгущать» воображение, изобретая «самые что ни на есть утилитарные символы», которых ожидают, «когда всё, от географии и архитектуры до цвета воздуха, должно быть спрессовано в одно предложение»³. Повествование, создающееся вопреки подобному стертому образу, становится прежде всего способом возвращения в город, которому ты представляешься чужестранцем. Кроме того, существует возможность двигаться и в противоположном направлении, повествуя о своем родном городе, как если бы он был неизвестной, далекой землей. Милош использует обе перспективы: он усиливает чувство дистанции, изображая Вильнюс как «город без имени», и в то же время приближается к нему с нарративных берегов необозначенного континента на языке «невыраженного, нерассказанного»⁴. И всё было бы хорошо, заключает поэт, если бы «язык не вводил нас в заблуждение, находя разные имена для одних и тех же вещей в разных временах и пространствах»⁵.

Итак, Вильнюс предлагает больше, чем кажется на первый взгляд, не в последнюю очередь потому, что всегда был местом в поисках собственного отражения. Название города — *Vilnius* — имеет литовские и языческие корни, но в анналах истории оно звучит на разные лады: *Wilno* по-польски, *Wilna* и *Wilda* по-немецки, *Vilna* по-французски, *Вильна* и *Вильно* по-русски, *Вильня* по-белорусски, а также ווילני (Вильне) на идиш. Подобное множество имен приводит к разветвлению городского нарратива во все стороны и вместе с тем позволяет писать о городе без строгой привязки к его географическому местоположению. К тому же Вильнюс всегда был местом встречи и смешения языков, религий и культур. Извилистые улочки и переулки, таинственно пересекающиеся двory, шпили храмов и завораживающая лепнина — всё рассказывает запутанную историю литовцев, поляков, русских, белорусов, евреев, немцев и татар, которые считали это место своим домом. Таким образом, исследование Вильнюса — это всегда путешествие через границу, посещение незнакомых территорий, культур и языков.

Так случилось, что город Вильнюс был заложен в долине, в месте слияния двух рек в самой холмистой части Литвы, где, согласно языческой космологии, преисподняя встречается с небесами. Поскольку название города произошло от корня, который также лежит и в основе слов *vėlė* (душа умершего) и *velnias* (черт, дьявол), можно сказать, что оно подразумевает и место перехода в потусторонний мир. Эта аллюзия помогает увидеть в Вильнюсе аллгорию междумирья, где присутствие душ умерших придает форму утратам. В период Ренессанса символом Вильнюса стал св. Христофор, покровитель путешественников и паромщиков, но также и, что довольно любопытно,

³ Ibid. P. 45.

⁴ *Milosz Cz. The Collected Poems, 1931–1987*. L.: Penguin, 1988. P. 184–188.

⁵ Ibid. P. 258.

переплетчиков; им (покровителем) вполне мог бы стать и Орфей, древнегреческий отец песни, который, согласно Страбону, был ловкачом, способным войти живым в мир мертвых, но лишь для того, чтобы вернуться погруженным в скорбь. Мне кажется, что каждый пишущий о Вильнюсе — немного Орфей и немного св. Христофор — переводчик (или паромщик), путешествующий в неизведанное, доставляющий силуэты прошлого к невидимым берегам будущего. Перевод нередко служит страховкой на случай утраты памяти. И все-таки писатель в роли переводчика неизбежно оказывается предателем⁶. Чтобы сделать прошлое видимым, нужно порвать с настоящим.

Современный Вильнюс — это хамелеон, постоянно меняющий свои цвета по требованию обстоятельств. Снабженный длинной и путаной историей сдвигающихся политических границ, город обладает неисчерпаемым нарративным потенциалом контрпамяти. В этом смысле, как и в плане архитектуры, Вильнюс — барочный город, место перехода из видимого в невидимое. Барочное воображение представляет мир как игру света и тьмы, жизни и смерти, отражая, точно в зеркале, перевернутую реальность. В итоге оглядка на Вильнюс оказывается не столько вопросом эстетики, сколько аллегорической необходимостью поиска исторической справедливости. Это делает рассказ о Вильнюсе упражнением в барочной грамматике аллегорий, попыткой, зачастую тщетной, найти форму для выражения забытых смыслов.

Поэт Моисей Кульбак, уроженец города, уподобил Вильню «сну кабалиста» с «тысячей дверей в мир». Для Кульбака, который в 1926 году написал свое стихотворение как личную прощальную песнь городу, идиш был универсальным ключом, открывавшим «празднично повседневные ворота в город». Разнородные, конфликтующие нарративы, однако, всегда «разбредаются и скитаются»⁷, разворачивая городской ландшафт назад в его прошлое. Предпринимая попытку отразить душу Вильнюса, я стремлюсь к тому же, оставляя читателям возможность найти свой путь домой после путешествия по миру. В то же время русский поэт Александр Жиркевич (писавший под псевдонимом Александр Нивин) в своем автобиографическом стихотворении, опубликованном в Санкт-Петербурге в конце XIX века, сравнил Вильню с «обновленной гробницей». Я выбрал эту метафору Жиркевича в качестве эпиграфа к русскому переводу книги, поскольку она емко характеризует нарративную рамку современного Вильнюса.

В культуре барокко телесное следует за воображаемым, провоцируя воспринимать память как отражение невидимого. Это делает исследование нарративной географии города не чем иным, как исчислением потерь. За последнее столетие Вильнюс претерпел множество изменений, приведших к необратимым лингвистическим разрывам внутри главной сюжетной линии города. В 1879 году, например, 40 процентов из 155 тысяч жителей

⁶ Итальянский каламбур: *traduttore* (переводчик) — *traditore* (предатель). — *Примеч. пер.*

⁷ *Kulbakas M. Vilnius: poema / red. J. Riškutė. Vilnius: Vaga, 1997. P. 33–35.* На русский язык поэму «Вильнюс» перевел Виталий Асовский.

города называли идиш в качестве родного языка, 30 процентов указывали польский, 20 процентов — русский, 4 процента — белорусский и только 2 процента — литовский. Столетие спустя демографический состав едва ли узнаваем: из полумиллионного населения города около двух третей считают себя литовцами, в то время как русские и поляки составляют примерно по 15 процентов. Менее 0,5 процента жителей — евреи, и среди них только единицы знают идиш. Сухая статистика скрывает жуткие обстоятельства такой лингвистической трансформации: в течение одного десятилетия во время и после Второй мировой войны город потерял примерно девять десятых своего довоенного населения из-за массовых убийств, вынужденных переселений, переездов и эмиграции.

Повествователь-мемуарист подобен Орфею, или, если перефразировать одного из самых знаменитых еврейских писателей Вильны, Хаима Граде, он — странник, бродящий среди надгробий. В послевоенном Вильнюсе, пишет Граде, вернувшийся в родной город по окончании войны, истории Вильны «лежат погребенными — и кричат, в тишине — здесь лежат погребенными все молитвы, произнесенные евреями за сотни лет». И действительно, «вся Вильна является надгробием своим последним евреям, и гои теперь сидят вместо них, как совы посреди руин»⁸. С прозорливостью орфического поэта Граде провидит будущее Вильнюса, где еврейской Вильне будет отведено «пространство даже меньшее, чем надел бедного крестьянина. Каждый маленький городской парк, детская площадка будет казаться больше расчищенного пространства»⁹ местных потерь. Послевоенный Вильнюс стал городом иммигрантов: заезжий репортер *The New York Times* назвал его «плавающим котлом» меньшинств. Со временем литовское меньшинство стало доминирующим большинством.

Вернувшись в Вильнюс спустя полвека после отъезда из Вильно, Милош обнаружил его уже совершенно реконструированным «трупом города» — пятном памяти без единого знакомого лица. После еще нескольких визитов, незадолго до своей смерти, поэт разглядел в этом безликом Вильнюсе контуры неведомого, увеличенные иллюзией реальности, незнакомую территорию, населенную узнаваемыми лицами, чья «география, говорит Сведенборг, не находит места на карте. / Ибо там, кто как был, так и видит. / И даже тут возможно совершить ошибку; скажем, / бродить / не сознавая, что ты уже на другой стороне»¹⁰. Барокко стремится к совершенству, но разворачивается вокруг незаконченного и частичного. По аналогии, мне кажется, рассказывать о Вильнюсе — значит стремиться к прямым линиям, позволяя своим иллюзиям ускользать.

⁸ *Grade Ch. My Mother's Sabbath Days: A Memoir* / transl. by Ch. Kleinerman-Goldstein a. I. Hecker Grade. Lanham: Rowman & Littlefield, 2004. P. 382.

⁹ *Ibid.* P. 348.

¹⁰ *Milosz Cz. Werki // Second Space: New Poems* / transl. by Cz. Milosz a. R. Haas. N.Y.: HarperCollins, 2004. P. 8.

1. Титульный лист «La cosmographie universelle» (1556)

ОТПРАВНЫЕ ТОЧКИ

Карта
приколота к стене,
подчеркнуто имя
неоткрытого города,
дороги к нему
обозначены.

Иоганнес Бобровский. Предосторожность¹

В античные времена говорили, что все дороги ведут в Рим, центр имперской цивилизации. Географический смысл выражения был понятен каждому: Рим вечен, как солнце, — его мощь достигает всех окраин ойкумены, и рано или поздно всё на свете пересекается в этой точке мира. С течением веков и по мере распада империи переносный смысл выражения стал преобладать над буквальным. Путь в Рим перестал быть однозначным географическим направлением и превратился в аллегорию поиска смысла жизни. В современном мире древнее выражение приобрело иронический оттенок: куда бы ты ни шел, что бы ни делал и ни думал, волей-неволей всё равно достигнешь того же результата. Метафорический диапазон значений идиомы широк — неизбежным результатом, итогом жизни, может быть смерть или заново открытые старые истины, то есть путь в Рим может оказаться дорогой к самому себе.

Во времена христианской и варварской Европы всемирным центром притяжения стал Иерусалим, оборвавший связь истории и забвения. Настоящее ограничивалось пределами библейской географии, а Иерусалим представлял собой эсхатологическую, посмертную вечность. Поэтому путешествие

¹ *Bobrowski J. Shadow Lands: Selected Poems / transl. by R. a. M. Mead. N.Y.: New Directions Books, 1984. P. 192.*

в Святую землю в первую очередь является паломничеством, стремлением к вечной благодати через покаяние. Символически путь в Иерусалим всегда пролегает через внешнюю, автобиографическую исповедь человека; не воплотимую в земной жизни жажду вернуть человеку его утраченную божественную сущность. Однако Иерусалим как обещание рая наделяет смыслом эгоистическую цель пилигрима — искупление личных грехов.

Конечно, в духовном воображении евреев путешествие в Иерусалим — это не покаяние и не исповедь, а возвращение. Свой, но утраченный, знакомый, но невиданный Иерусалим придает картографический смысл еврейской памяти. Это не божественный город, но тело рассеявшегося народа; не душа, а экзистенциальная необходимость. Географическая личность и исторический герой. Дом будущего, построенный на месте утраченного святилища — крепости Божьей, в основании которого — тысячелетнее изгнание еврейского народа. Коротким, но емким выражением — «в будущем году — в восстановленном Иерусалиме» — завершаются большие еврейские праздники Йом-Кипур (Судный день) и Седер Песах (пасхальная трапеза). Так пожелание встречи в Иерусалиме, путешествие в Иерусалим, дающее надежду на возвращение, стало выражением, объединяющим разбросанный народ. Такое путешествие всегда ведет домой, даже если дорога пролегает через чужие края.

В мусульманских странах путешествие в Мекку сочетает в себе христианскую и иудейскую — символическую и физическую — картографию. Каждый мусульманин обязан хотя бы раз в жизни совершить паломничество в Мекку — так называемый хадж. Хадж является одним из пяти столпов (принципов) ислама. Для мусульман путешествие в Мекку — это не метафора, не аллегория, не символ и не желание, а исповедание веры. В идеальном случае — это психологическое путешествие, поскольку путь в Мекку пролегает через самые темные закоулки человеческого сознания. Каждый верующий — будь то мужчина или женщина — обязан отправиться в Мекку точно в последнее свое путешествие и выполнить хадж с чистой совестью, с готовностью к смерти. По возвращении из Мекки паломник обретает новую, истинную сущность, объединяющую его навеки с мировым мусульманским сообществом. Совершивший хадж пилигрим на родине становится своеобразным новоселом: тот же, свой, и вместе с тем — уже другой, человек мира. Можно сказать, что путешествие в Мекку — это некое прощание с собой и собственным прошлым, в награду за которое дается духовная зрелость. По пути в Мекку переступается порог между жизнью и смертью. Это своего рода прижизненное перемещение в просторы вечности.

Моя книга основана на таких краеугольных элементах повествования о путешествии, как утрата, исповедь, возвращение и открытие. Она не является традиционным травелогом, хотя и базируется на различных описаниях путешествий. И цель этого путешествия — город Вильнюс, — вероятно, менее священен и менее известен миру, чем Рим, Иерусалим и Мекка. Однако, возвращаясь

2. «Вильнюс». Фотография Я. Булгака

к метафоре пути, можно сказать, что в современной Европе, полагающейся на абстрактные числа и статистические выводы, все дороги ведут в Вильнюс. В 1989 году ученые из Национального географического института Франции установили координаты центра европейского континента: $54^{\circ}54'$ северной широты, $25^{\circ}19'$ восточной долготы. То есть центр Европы обнаружился на окраине литовской столицы. На этом математическом перекрестке, в двадцати пяти километрах к северу от Вильнюса, пересекаются прямые, прочерченные из крайних точек Европы — с острова Шпицберген на севере, Канарских островов на юге, Азорских на западе и арктического Урала на востоке.

На самом деле Европа — только часть большого геологического массива под названием Евразия. Имя Европы увековечили древние греки, снабдив его привлекательным телом молодой дочери царя Тира. Согласно античному мифу, царевна Европа стала жертвой своей красоты, привлекая внимание олимпийских богов: ее соблазнил и похитил Зевс в облике прекрасного белого быка. Из родной Малой Азии он переправил ее на своей спине по морю на остров Крит. В неволе он обесчестил ее — и лишь затем, точно в искупление или покаяние, нарек царевной Крита. Европе не было суждено вернуться на родину, в Азию; но она долго, под покровительством богов, правила Критом — колыбелью греческой цивилизации.

Миф о соращении земной дочери правителем Олимпа обозначил географическое размежевание между Западом и Востоком: Европа была навеки отделена от своей азиатской колыбели. Размежевание наделило Европу

географической идентичностью — это был край к западу от Малой Азии; а история (или, скорее, определенное ее повторение) снабдила ее картографической действительностью. Со временем Европа обрела свое картографическое тело. Однако, в отсутствие четких физических границ, контур Европы как континента скорее определялся идеей ее цивилизационных особенностей. Нынешняя, привычная для нас карта Европы скорее свидетельствует о мощи культурно-исторической памяти, нежели о каких-либо доисторических природных силах. Таким образом, если Европа — это в первую очередь идея, мысль, порожденная легендой, то ее средоточием является не что иное, как память, преамбула любой исторической карты. Поэтому и поиски центра континента должны начинаться не с измерения географических контуров, а с обозначения его идеи, разметки Европы как повествования.

Европейский нарратив отличается от истории Европы тем, что контуры идеи, как и памяти, размыты и причудливы, а хроника, последовательность дат — всегда однонаправлена, движется только вперед. И все-таки поиски центра, основной повествовательной оси, всегда начинаются с периферии, с учета разветвившихся историй. Центральная точка не может быть установлена безотносительно к окраинам: центр без окраин рассыпается, становится спорным пространством. Безграничное пространство, как и бесконечная история, не может придать центру весомости. Иными словами, граница между центром и окраиной всегда текуча: окраины, точно волны, постоянно бьются о центр и размывают его пределы. Поэтому взаимоотношение середины и окраин никогда не является односторонним, исключительно влиянием центра на окраины.

Центр — конкретное, последовательно обозначенное место, а периферия — многоликое и изменчивое пространство, поскольку она существует лишь на пересечении нескольких повествований, воображений и географических «орбит». В картографии, в отличие от исторических писаний, белые пятна и чудовища² обнаруживаются только на окраинах истории, там, где легенда карты — картографический символ — теряет смысл. Поэтому в географии открытия возможны лишь на окраинах, в то время как в истории возможно лишь возвращение к центру.

Представление о Вильнюсе как картографическом центре неотделимо от окраинной роли этого города в истории Европы. Европа, которая нам знакома, является мифом уже хотя бы потому, что картографически стягивает лишь то, что признаётся своим с исторической точки зрения. Вильнюс отражает этот миф и проявляет его, придавая ему иной резонанс. Конечно, любой из городов Европы обладает собственным голосом, способным несколько смутить единый ритм континента. Однако мелодия Вильнюса вторгается в европейскую полифонию, совершенно не попадая в исторический такт. Поэтому ему всё (еще) никак не удается влиться в основной поток

² Здесь автор отсылает к фразе «here be dragons», которую использовали картографы XVIII века для обозначения далеких, неизведанных (а следовательно, опасных) краев. — *Примеч. пер.*

3. Вильнюс на разных языках: по-немецки Widaw, по-итальянски Vilna, по-литовски Wilenski, по-польски Wilna, по-французски Vilne и на латыни Vilna. Фрагмент карты Литвы, изданной в Венеции в 1696 году

европейского повествования, оставляющий его в стороне, будто географический обломок или осколок истории.

Из-за двусмысленности своего положения — в качестве центра и периферии одновременно — Вильнюс чаще всего воспринимается как переходное, пороговое место. Порог, если перефразировать Вальтера Беньямина, — это не граница и не точка, а зона, где время и пространство начинают пульсировать. Это не место, а состояние или значение, которое «нельзя ни измерить, ни локализовать», а возможно лишь определить как «подвижный слом или раскол под давлением противоположных тенденций»³. Город как пульс или столкновение обозначает не период в хронике и не картографическую дыру, а повествовательный слом, местность, в которой география и история меняются местами.

Как известно, география — это наука о земле, (геометрическое) описание местности; а история, наоборот, берет начало в исчислении времени. Кроме того, картография является составляющей искусства войны, а хроники (пере)создаются в мирные времена. То есть, когда история и география меняются ролями, возникает карта (Вильнюса) как зеркало истории, отражающее то, что находится за пределами топографии. География прошлого.

³ Lachmann R. *Memory and Literature: Intertextuality in Russian Modernism* / transl. by R. Sellars a. A. Wall. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1997. P. 164.

Зеркалом, как и порогом, пользуются мгновение, но это мгновение открывает новые перспективы, невиданные панорамы и неведомые срезы истории. Так прежде не замеченные возможности открылись Яну Булгаку — знаменитому польскому фотографу XX века. Булгак зафиксировал пасторальный ландшафт Вильнюса в контексте не цивилизации и даже не Европы, но современного, модерного мировоззрения. Вильно [Wilno], согласно художнику, — вызов черно-белому, то есть фотографическому и потому привычному представлению о взаимоотношении времени и пространства. В зеркальном отражении город является тенью, морем серости, поэтому и встреча с ним оказывается испытанием границ:

Настоящий Вильно остается закрытым и немым для снобов. Имеет ли смысл открываться варварам, охотящимся за сувенирами и несведущим в истинных ценностях? Город открывается не каждому, так как свидетельствует негромко о простых и благородных вещах. Он не выкрикивает, как торговец на базаре, не хвалится своими богатствами — он лишь направляет благосклонно настроенного путешественника. И он прав. Немало пришельцев из дальних стран сумело увидеть настоящий Вильно, и для многих знакомство с городом стало глубоким духовным переживанием. Эти гости оставались верны городу до конца своей жизни, искусно и мудро прославляли его на языках разных искусств. Конечно, бывало здесь и множество равнодушных гостей, покинувших город со злорадной насмешкой. Они увидели только его простоту, недостатки и неудобства, и им уже никогда не узнать, что Вильно — это духовное испытание, проверка на глубину восприятия. Подобное испытание увлекательно для одних, но для других, не столь просветленных, это коварная ловушка.

Вот таков наш Вильно: одни утверждают, что город грязен, беден и убог; другие убеждены, что это очаровательное, исключительное и благородное место. Что мы можем сказать о нем сегодня? С какой стороны должно начать исследование нашего Вильно, глубоко погруженного в долину двух рек, окруженного возвышенной зеленью и возвышающегося изящными башнями соборов, по силуэтам напоминающими спиралевидные тополя старой деревенской усадьбы?

Не станем спешить внутрь города и задержимся на мгновение на его пороге. Вильно располагается среди холмов и предоставляет возможность наслаждаться видами на расстоянии.

Давайте же посмотрим на город издали⁴.

Вильнюс никогда не был городом путешественников и, в отличие от знаменитых центров паломничества — Рима, Иерусалима и Мекки, — не приобрел

⁴ *Bulhak J. Vilniaus peizažas: fotografo kelionės / transl. by S. Žvirgždas. Vilnius: Vaga, 2006. P. 21–23.*

аллегорического измерения. Как следствие, каждый посетитель должен открыть свой Вильнюс, опираясь лишь на собственное зрение и местные нарративы. Конечно, зрение гостей, как и жителей города, обманчиво, поэтому город полон теней, исторических, географических и языковых ловушек. Но подобная топография городского повествования лишь еще больше сближает Вильнюс с Европой, история которой полна белых пятен, искажений, выдумок, слухов и обманов.

Вильнюс в моей истории — это не только топографическое тело, частная карта города. Для меня этот город прежде всего — неизвестный герой повествования. Вторженец в историю Европы. Иными словами, сюжет этой книги — история Европы, прочитанная путем перемещения по извилистым, знакомым улицам города. Это встреча главного героя — Вильнюса — со своим отражением: история города в зеркале Европы. Поэтому в книге, как и в истории, название города изменчиво.

География Вильнюса не способна переписать историю Европы, но, по окончании путешествия и по возвращении домой, перед странником — согласно обратной логике — все пути в Европу открыты. Если бросить взгляд на Европу издалека, то есть с вильнюсских холмов, окраины повествования, становится заметно: в истории континента, как в зеркале, отражается то, что осталось за спиной путешественника: *Вильнюс, Вильна, Вильне, Вильнюс...* Полифоничность города, его имени уводит рассказчика в другие пространства, другие города и чужую память. Поэтому и отъезд из Вильнюса есть передел карты Европы, взгляд на свой дом глазами чужака. Моя книга как раз об этом: открытии города на невиданной карте.

DESCRIPTION NOVELLE D'EVROPE.

4. «Новая карта Европы». Из «La cosmographie universelle» (1556). Вверху карты — юг Европы; Литва с Ливонией и Пруссией находятся слева внизу, на юго-восточном побережье Mare Germanicum, или Балтийского моря

НА ЗАРЕ ЕВРОПЫ

Быть может тот, кто родом с территории, которая долго считалась восточной окраиной римского христианства, оказывается более чутким к подвижным полюсам притяжения, воплощенным в самой текучести понятий *Востока* и *Запада*.

Чеслав Милош. Начиная с моих улиц¹

Вильнюс появился в Европе внезапно — нежданный и нежеланный прибулдыш в христианском семействе. Такое неблагословенное рождение Вильнюса подтверждает письмо, адресованное Святому Отцу и через несколько месяцев достигшее его замка в Авиньоне. Письмо было доставлено к побережью Средиземного моря, в Прованс, монахом-аскетом из Риги, и прибыло оно в выгоревший на южном солнце массивный дворец Папы Римского с первыми порывами мистрала. В долине реки Роны пронизывающий ветер мистраль, дующий с альпийских ледников, обычно возвещает начало Адвента и нового церковного года. Письмо, как будто бы написанное Гедимином, величавшим себя «королем литовцев и многих русских», также обещало новое начало. В дипломатически составленной латинской записке великий князь Литовский обращался к преемнику св. Петра, «первосвященнику римского престола», уведомляя о готовности принять католическую веру. Такая неожиданная покладистость обрадовала папу Иоанна XXII, уже много лет безуспешно пытавшегося убедить Гедимина креститься. Однако слова Гедимина не были заверены его подписью, и, кроме того, письмо не содержало ни даты, ни обратного адреса. Папской канцелярии оно показалось уловкой, поэтому

¹ *Milosz Cz. Beginning with My Streets: Essays and Recollections / transl. by M.G. Levine. N.Y.: Farrar, Strauss a. Giroux, 1991.*

просьбу великого князя Святой Отец рассматривал осторожно, испытывая политическое недоверие².

У Папы были основания не доверять Гедимину. Последний был варваром, королем отъявленных идолопоклонников и религиозных отщепенцев, великим подстрекателем их воинственности. С течением веков северные язычники, в том числе и литовцы, уморили не одного посланника Церкви: святых Войтеха и Брунона, а также других священников и монахов. Кроме того, родина Гедимины — Литва — была землей отступников и кровопийц, опасный край для католиков, как будто объятый дьявольской мстью: в середине XIII века литовский правитель Миндовг получил благословение на крещение от Папы Александра IV, однако два года спустя после принятия христианства он отрекся от Священного Писания. С тех пор литовцы стали заклятыми врагами Святого Престола, на северных окраинах христианского мира они нападали на католические замки, убивали священнослужителей и насильно угоняли в рабство новообращенных. Предшественники Иоанна XXII не раз побуждали христиан всего мира к крестовому походу против балтийских «сарацин». Так, Немецкому (Тевтонскому) ордену, потерявшему Иерусалим и вытесненному магометанами из Святой земли, было поручено защищать истинную веру в снегах Севера.

Папа Иоанн XXII был французом скромного происхождения, посаженным на престол св. Петра в 1316 году, чтобы служить интересам французской короны, — его предшественник был переселен из Рима в Авиньон. Избранный в зрелом возрасте, семидесятилетний пастырь не поддавался старческой дреме. В первые же годы своего правления он стал поощрять длительную и жестокую борьбу с небольшими государствами Италии, которые противились французам на папском престоле. Во время этой войны он отлучил от церкви короля Германии Людвига IV Баварского — своего постоянного противника и главного подстрекателя к созданию антипапского союза. Кроме того, папа Иоанн XXII тщательно очищал Церковь от всех ересей. Он отделил от католиков влиятельное ответвление францисканского ордена, так называемых спиритуалов, поскольку те, основываясь на библейском утверждении о том, что Иисус и его апостолы не обладали никаким имуществом, придерживались принципов евангельской бедности. Противоположным декретом в июле 1323 года Папа объявил доминиканца Фому Аквинского (умершего в 1274 году) полным теологической мудрости «ангельским доктором» и святым.

После первого письма Гедимины Святому Отцу было торжественно вручено второе, доставленное благородной делегацией из Риги. В нем Гедимин утверждал, что вина за языческое упорство литовцев и их нежелание креститься лежит на тевтонских рыцарях, и поэтому Папа может не сомневаться в их намерении принять христианство. Рижские делегаты рассказывали Папе, что Гедимин уже раструбил «всем христианам, рассеянным по всему миру, мужчинам и женщинам» весть о скором своем крещении и ожидаемом прибытии

² Послания Гедимины / подгот. В.Т. Пашуто, И.В. Шталь. Вильнюс: Минтис, 1966. С. 22–23.

папских легатов в Литву. Эта добрая весть из Литвы была отправлена гражданам знаменитых городов — «Любека, Зунда, Бремена, Магдебурга, Кёльна», а также и остальных, «вплоть до города Рима». О своем намерении стать католиком Гедимин сообщил также францисканцам и доминиканцам и пригласил оба братства в свои владения распространять слово Божие и творить добрые дела. Как было принято в те времена, Гедимин обращался к получателям письма с просьбой переписать радостную весть и, прибавив список к дверям ближайшей церкви, переслать ее средневековой европейской почтой в другой город или монастырь. Таким образом, утверждал автор письма, Божье всемогущество и любовь порадуют всех. Святость намерений Гедимины подчеркивалась продуманной датировкой писем. Печать первого письма датирована 25 января, когда празднуется обращение святого апостола Павла, способствовавшее распространению вести Иисуса среди нееврейских язычников. Второе письмо подписано 26 мая, днем празднования Тела и Крови Христовых, когда почитаются таинство Евхаристии и чудо превращения хлеба в Тело Христово³.

Распространенные по христианскому миру письма Гедимины стали метрикой Вильнюса, так как до сих пор этот город оставался неизвестным и безымянным для Европы. Несомненно, сама Замковая гора и даже город существовали задолго до того, как Гедимин пришел к власти в 1316 году. Однако именно его (пусть пока и нехристя) мирные слова на латыни, адресованные католикам, внесли город в летописи Европы. В год рождения Вильнюса в Европе (1323) Фома Аквинский был объявлен святым, а последнее чудо античного мира — Александрийский маяк — погрузилось на морское дно после мощного землетрясения.

Рождение Вильнюса в истории Европы сопровождается мифом. В большинстве случаев легенды и мифы, связанные с той или иной местностью, бывают более древними, чем документальные свидетельства о происхождении, однако в случае Вильнюса легенда об основании города и дата архивной записи практически совпадают по времени. Историки даже считают, что легенда об основании Вильнюса создавалась на основе уже документированного прошлого. Сближение устной и письменной традиций — фантазии и факта — объясняется тем, что в данном случае герой легенды и герой летописи совпадают в фигуре Гедимины, стремившегося воплотить свою политическую мечту, основанную на географических реалиях: добиться признания Литвы в качестве солидного светского государства. Поэтому и в легенде, и в письмах доисторическая Литва связывается с европейской географией посредством Вильнюса.

Согласно легенде, усталость и крепкий сон (а точнее, сновидение) подтолкнули князя к основанию Вильнюса. Охотясь в лесах долины Швинторога (Святорога), изможденный Гедимин устроил привал. Ему приснился необычный зверь — люто воющий железный волк. Смущенный странным пророческим сном, Гедимин повелел старшему жрецу Лиздейке истолковать его.

³ Послание Гедимины гражданам Любека, Штральзунда, Бремена, Магдебурга, Кёльна // Послания Гедимины. С. 28–35.

Жрец объяснил явление дикого зверя во сне как указание на то, что в этом месте должен быть построен замок, который прославит правителя на весь мир. Гедимин подчинился и в месте слияния двух рек [Вильни и Вилии, или Нярис] воздвиг столицу.

Вполне вероятно, что река Вильня, с более узким руслом (и более быстрой), передала городу свое языческое имя. Это название, к слову сказать, умалило значимость сложившегося доисторического сказания о городе, потому что другая, как будто бы более ранняя, легенда подчеркивала роль князя Швинторога. (Если бы не сон Гедимины и не письма, то, возможно, этот город назывался бы Швинторогом.) Как бы там ни было, в отличие от имени Швинторога, названия реки и города оказались более многозначными. Вильня может быть связана с такими словами, как *vilna* (шерсть), *vilnis* (волна), *vilnijimas* (колыхание), а также *velionis* (покойник), *velė* (душа), *velinės* (день поминовения), *veliava* (флаг) и даже *velnias* (черт), имеющими общую этимологию.

Вильнюс, согласно легенде о Швинтороге и более поздним историческим фактам, был одним из самых священных мест языческой Литвы, поэтому и его название может быть связано со сверхъестественным. Происхождение имени города указывает на связь различных, противоположных — но не обязательно конфликтующих — сфер мироздания: посюстороннего и потустороннего, видимого и невидимого, человеческого и божественного, предсмертной жизни и посмертной. Вильнюс в этом смысле — как пульсирующее пространство, волна, определенный момент, связывающий прошлое и будущее, мертвых и еще не родившихся, а отнюдь не приземленная географическая точка⁴.

Как этимология имени города, его легенда, так и исторические факты свидетельствуют о его литовском происхождении. Почти все прибалтийские города — Рига, Ревель (Таллин), Мемель (Клайпеда) и Кёнигсберг (Калининград) — были заложены с целью укрепления и распространения гегемонии завоевателей. Душой и телом — то есть своей правовой зависимостью и общественной функцией — они были колониальными городами, зачастую носящими иностранные имена и заселенные пришельцами. Вильна была исключением, противоположностью, поскольку она — сначала замок, а после и город — стала столицей Литвы в ответ на вторжения чужестранцев. Неприступная, управляемая автохтонами языческая Вильна воплощала собой исключительность и самостоятельность общественного уклада. Но вместе с тем в начале XIV века языческая Вильна с католической точки зрения была антиподом Иерусалима, полной противоположностью утраченного идеала города, оскверняющей Божье имя. Таким образом, языческая духовность и пророческий сон были колыбелью Вильнюса, а долгая истощающая борьба с католическим миром стали его крещением.

⁴ Подробнее о мифологических значениях Вильнюса см. у Владимира Топорова (*Toporov V. Vilnius, Wilno, Vil'na: miestas ir mitas // Baltų mitologijos ir ritualo tyrimai. Vilnius: Aidai, 2000. P. 35–98*). (На рус. яз. см. публикацию в вильнюсской газете «Обзор»: *Топоров В. Вильна, Wilno, Vilnius: город и миф [Электронный ресурс] // Обзор: сайт. 2010. № 32 (709). 12–18 авг. URL: <https://www.obzor.lt/news/n825.html>. — Примеч. пер.*)

5. Гедимин строит замок в том месте, где увидел сон. Романтическое изображение мифа об основании Вильнюса. XIX век

6. Литовские язычники
поклоняются огню,
дубу и ужу.
Из «La cosmographie
universelle» (1556)

Не то вдохновленный предсказанием, не то из прагматических соображений Гедимин избрал Вильну своей столицей и вознес над нею литовский флаг. Местность была не только благословенной и хорошо укрепленной, но и располагалась в глубине речного и озерного края, среди холмов, глухих лесов и болот. Естественные препятствия сдерживали натиск христиан, уединенность Вильны способствовала ее обороне; однако и другим чужестранцам было непросто попасть в город. Тем не менее Гедимин надеялся создать в Вильне разностороннее общество. Город виделся ему не только столицей литовцев, но и прибежищем для других культур, открытым миру, как слово или сон, и вместе с тем закрытым, как книга или святилище. Возвещая в письмах о грядущем крещении Литвы, он приглашал католиков — торговцев, ремесленников, рыцарей и священнослужителей — селиться в королевском городе. Всем прибывшим, за исключением крестоносцев, Гедимин обещал особые религиозные, правовые и культурные привилегии в обмен на лояльность и уважение к литовскому мировоззрению, которое литовцы отстаивали в битвах с христианами.

Изначально Тевтонский орден был монастырским, духовным братством. Вступавшие в него давали обеты целомудрия, послушания и бедности. Побуждаемые муками раскаяния и сознанием своей греховности, немецкие рыцари основали военное братство. Вступая в него с мечом в руке и клянясь до гробовой доски лить кровь безбожников, еретиков и вероотступников, они зарабатывали себе вечное блаженство. Участники крестовых походов в первую очередь стремились к личному спасению, но когда Немецкий орден в начале XIII века переместился с побережья Средиземного моря на восточные берега Балтийского, он стал эффективной военной и политической организацией. Его божественной миссией было привить местным жителям почтительность к Апостольскому Престолу, однако политически орден стремился к земной

власти и территориальному правлению. Рыцарям ордена, сдерживаемым монашеским уставом и укладом, не оставлявшим потомства из-за обета безбрачия, оставалось довольствоваться милостями латинской Европы. Многоязыкая католическая аристократия на протяжении длительного времени поддерживала жизнь ордена, жертвуя ему денежные дары и отправляя в услужение своих отпрысков. Правители Священной Римской империи заручились феодальной привязанностью крестоносцев, подарив им значительную часть завоеванных (языческих) земель. А римские папы, благословляя крестовые походы один за другим, навеки обвенчали их с Матерью-Церковью. Рыцари ордена были будто очищенные сыновья Европы, посвятившие себя Пресвятой Деве Марии и при этом готовые умереть за свои земные прегрешения.

Хотя средства для поддержки братства прибывали из разных католических стран, в его ряды вступали преимущественно немецкоязычные рыцари Европы, поэтому оно называлось Тевтонским, или Немецким, орденом. За несколько поколений рыцари-монахи скопили столько богатства, престижа и политического влияния, что становились всё более независимыми от своих благодетелей. Они правили захваченными землями, совершенно не придерживаясь вассальной верности империи и Церкви. Однако высокомерие ордена не осталось незамеченным при католических дворах: хотя папа Иоанн XXII всё еще по традиции благоволил крестоносцам, называя их любимейшими сыновьями Церкви, король Франции, настоящий владетель папского престола, не проявлял к ним большой любви.

Вслед за рыцарями-монахами к балтийским берегам устремились переселенцы из ганзейских городов и центральной Германии, прирейнских деревень — так религиозная миссия стала колониальной и культурной экспансией, которая в XIX веке, в эпоху романтизма и немецкого национализма, получила название *Drang nach Osten* — «натиск на Восток». Однако с исторической точки зрения германская колонизация Востока была всего лишь частью более масштабного географического проекта: наряду со вторжением немцев и скандинавов в Прибалтику происходило отвоевывание Пиренейского полуострова — Реконкиста, — позднее обернувшееся завоеванием Америки и других частей света. Северные язычники были не первыми и не единственными в Европе, насильно обращенными в христианскую веру; однако более поздняя, уже христианская их судьба, отмеченная этническим вымиранием и культурной ассимиляцией, сближает их с (еще) не открытыми Европой народами. Крестовые походы в Прибалтике стали своеобразным историческим мостом, соединившим поражения христианства в Святой земле и его завоевания в Новом Свете.

Конечно, Тевтонский орден отрицал надежность Гедимины и противился мирному обращению Литвы в христианство. Члены ордена, стремившиеся к личному спасению путем принудительной евангелизации литовцев, были заинтересованы в том, чтобы Литва оставалась языческой, поскольку тогда они могли бы присвоить часть завоеванных земель. Кроме того, факт учреждения католической общины в Вильне без участия ордена поставил бы под

сомнение саму его необходимость. В отсутствие языческой угрозы Европа могла расправиться с крестоносцами. Подобное уже случилось с тамплиерами: стоило французскому королю обвинить их во всех грехах Содомы и Гоморры, как это влиятельное братство было уничтожено огнем и мечом с одобрения предыдущего папы, Климента V. Однако — к счастью для Немецкого ордена — новый французский король, молодой и амбициозный Карл IV, мечтал об освобождении Иерусалима от мусульманского господства и мало интересовался итогами северных крестовых походов. Поэтому вопрос о крещении Литвы французский двор оставил решать Папе, в душе которого всё еще теплилась благосклонность к миссионерскому запалу рыцарей.

Правитель Священной Римской империи обещал Тевтонскому ордену все не завоеванные языческие земли, а крестоносцы, в свою очередь, посвятили Литву Пресвятой Деве и назвали ее землей Марии. Таким образом духовная преданность крестоносцев Божией Матери придала их стремлению к территориальному господству в Прибалтике оттенок божественного долга. Однако Папа не утвердил подобную сделку между земным и небесным, опасаясь связывать спасение душ литовцев с имперскими привилегиями рыцарей. Обращение Гедимина в христианство было для него предпочтительнее, поэтому он одобрил мирные переговоры между (всё еще) языческой Литвой и ее христианскими соседями. Папа Иоанн XXII был склонен мириться с независимостью Литвы при условии, что местная знать примет католичество, и поэтому он отправил из Авиньона два письма: одно — Гедимину, хваля его за решимость принять католичество, а второе — крестоносцам, упрекая их в неповиновении. Перспектива мира, благословленная Авиньоном, рассердила крестоносцев, однако магистр ордена, избегая конфликта с Апостольским Престолом, вынужден был признать свое дипломатическое поражение.

После утраты земного Иерусалима в конце XIII века случился кризис христианского мира. Из-за непримиримых противоречий между католической (латинской) и православной (греческой, византийской) доктринами верующее сообщество необратимо раскололось. Не менее яростными были теологические споры католиков между собой и их политические распри. Обездуховленный Апостольский Престол фактически стал товаром или трофеем, который продают, покупают, захватывают или передают по наследству. Наместник Христа на Земле, заключенный в Авиньоне, попал в зависимость от французской короны и милости казны. Иоанн XXII, видимо, предчувствовал, что на фоне иссякавшей не только политической, но и духовной мощи папского престола крещение Литвы представляло собой редкую возможность восстановить его экуменический авторитет. Литва оказалась на пересечении различных религиозных орбит: будучи язычниками, литовцы расширили свое государство, включив в него православные славянские княжества. Латинское крещение Гедимина неизбежно сделало бы Литву оплотом католичества в краях, придерживавшихся византийской традиции, что могло бы способствовать воплощению папских стремлений к воссоединению церквей. В расколовшемся христианском мире Вильна вдруг стала ключом

к Земле обетованной, и пожилой Папа, видимо, полагал, что его путь в вечную жизнь или даже в ряды святых пролегает через крещение языческого короля.

Для миссии крещения Литвы Папа отобрал трех легатов: двух выдающихся французских теологов-бenedиктинцев — епископа и аббата — и рижского архиепископа, который должен был стать крестным отцом Гедимина и его исповедником. (Последний после длительной ссылки, спровоцированной враждой между Тевтонским орденом и иерархией местной Католической церкви, был направлен, чтобы вернуть полагавшуюся ему митру епископа.) После долгого и утомительного путешествия по морю и суше в начале осени 1324 года посланники Папы наконец достигли Риги, столицы Ливонии. Город они застали объятым суматохой: снова назревало вооруженное столкновение между рыцарями-крестоносцами, обладавшими в Ливонии политической и церковной властью, и горожанами, всеми силами пытавшимися защитить свои гражданские права и торговые привилегии. Отторгнутый орденом архиепископ встал на сторону рижских купцов, а те, в свою очередь, заручились военной поддержкой литовцев: против братства крестоносцев был заключен кошунственный союз между язычниками и рижскими горожанами-католиками. Загнанные в угол таким неожиданным альянсом и угрозой гражданской войны в Ливонии, легаты тут же направили в Вильну уполномоченных, чтобы подготовить почву для торжественного обращения Гедимина в христианство.

Лучшим временем для путешествия по суше в балтийских краях была середина зимы, когда болота, озера и реки находились под толстым слоем льда. Но папские легаты весьма тревожились и торопились, поэтому их уполномоченные выехали из Риги еще до начала зимы, а в Вильну прибыли по самой ноябрьской слякоти, в субботу, после Дня Всех Святых. Эти посланники стали первыми известными чужестранцами, прибывшими в литовскую столицу и оставившими отчет о своем пребывании. О личностях этих дипломатов ничего не известно — их имена, происхождение и титулы преданы забвению, однако позднее Святому Отцу был переправлен отчет об их миссии, записанный или надиктованный ими самими.

В «Сообщении посланцев папских легатов» утверждалось, что прибывших в Вильну духовных дозорных Гедимин встретил уважительно, сам позаботился об их удобном размещении и сытной пище для них. На следующее утро посланники присоединились к небольшой группе католических монахов для посещения ранней мессы, благодарили Бога за безопасную дорогу и горячо молились об успехе миссии. После мессы Гедимин принял их в замковой гостиной. Папские легаты, увы, остались недовольны, завидев Гедимина, окруженного множеством советников, представлявших все племена и вероисповедания его подчиненных. Большинство советников были идолопоклонниками, хотя среди них как будто бы присутствовали и православные, и даже католический монах. Собравшиеся советники встретили легатов враждебно, будто окатили холодной водой, а Гедимин, уже без всякого вчерашнего гостеприимства, этикета и дипломатических вступлений спросил старшего папского делегата, какова цель их визита. Делегат ответил, что они прибыли в Вильну по велению Святого Отца, чтобы обсудить

крещение Гедимины. Тогда литовский правитель поинтересовался, известно ли им содержание писем, отправленных Папе. Они ответили утвердительно, дескать, «король желал принять христианскую веру и креститься». В ответ на это Гедимин, по словам послов, «начал говорить, что не приказывал писать этого, а если брат Бертольд написал, то пусть это падет на его голову. “Но если у меня было когда-нибудь [такое] намерение, то пусть меня крестит дьявол”»⁵.

После такого отречения, грозившего поражением миссии папских делегатов, Гедимин все-таки подтвердил аутентичность письма. Языческий правитель «стал уверять, что он хотел бы, как он и писал, господина апостольского наместника почитать отцом, так как он старше меня, и таковых я буду почитать отцами, и господина архиепископа я также почитаю отцом, так как он старше меня, а моих ровесников я буду почитать братьями, а тех, кто моложе меня, — сыновьями, и пусть христиане чтут бога своего по-своему, русские — по-своему, поляки — по-своему, а мы чтим бога по нашему обычаю, и у всех [нас] один бог»⁶.

Папские делегаты попытались было возразить, превознося преимущества католического спасения. Их догматическая манера снова рассердила Гедимины. Он прервал поучавших его прямолинейной отповедью: «Что вы мне говорите о христианах? Где больше несправедливости, насилия, жестокости, бесчестия и излишества, чем у христиан, особенно у тех, которые кажутся благочестивыми, как, например, крестоносцы, которые совершают всякое зло»⁷.

Униженные делегаты провели оставшиеся дни, запершись в келье, среди немногочисленной общины виленских католиков. Их непрерывные молитвы о душе Гедимины, подпавшей под влияние Антихриста, не принесли желаемых плодов. Правитель, заявив, что прибыла почетная делегация сарацин (татар), дал понять, что больше не собирается их принимать, однако папских дипломатов посетили несколько королевских советников, которые надоумили искать причины неудачи в небольшом кругу христиан. Загадочный намек вызвал лавину укоров и обвинений: доминиканцы винили францисканского монаха, нанятого Гедимином в качестве писаря, — дескать, он сознательно искажил слова правителя в письме к Папе; францисканцы, в свою очередь, очерняли доминиканцев — дескать, последние настроили Гедимины против Папы, предлагая принять крещение из рук могущественного короля Чехии и Венгрии, а не от далекого и ослабевшего Папы. К тому же обе стороны обвиняли крестоносцев в подкупе жемайтских воевод дорогими подарками, дабы те воспрепятствовали обращению Гедимины и Литвы в христианство. В конце концов, отец Геннекин, переводчик Гедимины, подтвердил: «Я знаю, что король был тверд в своем решении креститься, так как он с величайшей охотой приказал написать послание, а почему он отклонился, я не знаю. Но дьявол посеял семя свое, и я прошу, как и прежде, чтобы вы держали это в тайне»⁸.

⁵ Сообщение посланцев папских легатов // Послания Гедимины. С. 127.

⁶ Там же. С. 129.

⁷ Там же. С. 129–131.

⁸ Там же. С. 145.

Узнав, что Гедимин (снова) отказался креститься, Папа незамедлительно сподвиг христиан на новый крестовый поход против литовцев в 1329 году — к тому времени как раз истек срок четырехлетнего мирного договора между Литвой, Ливонским орденом и городом Ригой, который был ратифицирован Папой осенью 1324 года. Папа обещал отпущение смертных грехов всем участникам священной войны, а руководить походом уполномочил короля Богемии (Чехии) Яна. Еще до начала войны король Ян проклинал литовских язычников как «самых ядовитых врагов Христа» и превозносил тевтонское братство за то, что они «взялись стать непрошибаемой стеной, защищающей веру от литовцев и их прислужников, не важно, кем и где бы они ни были»⁹.

В период основания Вильны военные походы на Литву уже стали отлаженным мероприятием и регламентированным зрелищем. Крестовым походам всегда сопутствовала атмосфера преувеличенной набожности, монашеской аскезы и феодальной гордости. Прибалтийские войны под предводительством ордена, называемые немецкими католиками *reysa*, в Западной Европе стали синонимом рыцарской доблести, чести и храбрости. *Reysa* была прежде всего общественным событием, ритуалом мужской зрелости, которому присущи рыцарские турниры, охота, торжественные пиры, нескончаемые попойки и, как и подобает юной крови, славные мордобои. (Среди драчунов особенно прославились англичане и шотландцы, поэтому орден избегал приглашать их к участию в *reysa*.) Часто *reysa* происходила под определенным флагом, поскольку

⁹ Christiansen E. The Northern Crusades. L.: Penguin Books, 1997. P. 156.

рыцари, как правило, прибывали группами, как современные туристы. Таким образом в Литву прорывались «в 1323 году — чехи, в 1324 году — эльзасцы, в 1329 году — англичане и валлоны, в 1336 году — австрийцы и французы»¹⁰. Поэтому французский поэт, современник крестовых походов, назвал *reysa — belle guerre*, изящной войной и «выдающимся событием», представлявшим собой «величественное сборище — рыцарей, оруженосцев и знати, как из французского королевства, так и из других мест»¹¹. А Джеффри Чосер, описывая приключения рыцаря в своих «Кентерберийских рассказах», так изобразил английскую географию крестовых походов: «Он с королем Александрию брал, / На орденских пирах он восседал / Вверху стола, был гостем в замках прусских, / Ходил он на Литву, ходил на русских, / А мало кто — тому свидетель бог — / Из рыцарей тем похвалиться мог»¹².

В перерывах между кутежами и покаянием, драками и молитвами — когда позволяла погода — участники крестового похода организовывали вылазки на несколько недель в заросшие лесами языческие земли жемайтов и литовцев. Пусть правоверные европейцы в «сарацинской» Литве любой ценой стремились к искуплению души и общественному признанию, все-таки ход священной войны и ее успех во многом определялся непредсказуемыми природными силами. В среднем за год, как правило, устраивались два похода: *winter-reysa* и *sommer-reysa* (зимний и летний), каждый требовал особой военной тактики и воеводческих навыков, а вместе с тем и особой подготовки. Целью каждого похода было занять хотя бы одну языческую крепость или замок. Однако, если добиться этого не удавалось, участникам похода приходилось довольствоваться разбоем — захватом рабов, женщин и детей, домашнего скота, запасов продовольствия и товаров. Часто вылазкам препятствовали плохая погода, голод или ответные нападения литовцев и других местных жителей. Язычники, как и крестоносцы, тоже не гнушались разбоем и насилием, нередко разоряли земли, населенные немцами или новообращенными. Таким образом, хотя крестовым рейдам в Литву и сопутствовало приподнятое настроение, все-таки они не обходились без губительных последствий. Множество людей с обеих сторон бывало убито, угнано в рабство или лишено крова. Широкая защитная полоса пущ, отделявших Вильну от владений ордена, по сути обезлюдела. Правители, как и все смертные, тоже становились жертвами войны. Чешский король во время крестового похода на Литву ослеп и вернулся из Пруссии с новым королевским прозвищем — Ян Слепой. А в 1341 году в битве с крестоносцами погиб Гедимин. Однако его наследники продолжали борьбу с европейскими рыцарями еще на протяжении почти сотни лет, пока, наконец, внуки Витовт и Ягайло — правители Литвы и Польши — не одержали окончательную победу над Немецким орденом.

¹⁰ Riley-Smith J. The Crusades: A History. New Haven: Yale Univ. Press, 2005. P. 253.

¹¹ Christiansen E. Op. cit. P. 176.

¹² Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера. М.: Худож. лит., 1973.

Литва впервые появилась на мировой карте, меченная родимым пятном идолопоклонничества. В 1375 году правитель Арагона заказал картографу Аврааму Крескесу, испанскому еврею, и его сыну подробнейшую карту мира, намереваясь подарить ее молодому французскому королю. Эта карта, позднее получившая название Каталанского атласа, предоставляла космографические и мореходные сведения, показывая мир таким, каким он виделся с побережья Средиземного моря. Поэтому далекая балтийская окраина слабо отображена на карте и выглядит как малоизведанный, негусто населенный неизвестными племенами край, кишущий фантазмагорическими созданиями. Населенную литовцами землю Крескес точно, но вместе с тем очень уж дьявольски назвал *Litefanie Paganis* — Языческой Литвой. С учетом значения латинского слова *paganus* (не городской, а деревенский житель) такое название можно было понять и как «сельская», «неурбанизованная», «дикая» Литва.

Литовская языческая элита в конце концов приняла католичество в 1387 году, как того требовал брачный договор между Ягайло и Ядвигой¹³. Помолвка Ягайло, уже прожившего около четырех десятилетий, и двенадцатилетней правительницы Польши Ядвиги выкорчевала из виленского ландшафта литовских богов; на месте уничтоженного языческого храма был построен дом единого Бога — католический собор. По случаю бракосочетания Ягайло преподнес Вильне городские права, основанные на магдебургском праве. И все-таки крещение Ягайло не помешало Тевтонскому ордену предпринять традиционный ежегодный поход против литовцев. Крестоносцы осадили Вильну в 1383 году, и по причине внутренних распрей между наследниками Гедимины их налеты продолжались еще десятилетие. Одну из самых успешных и жестоких осад города крестоносцами спровоцировал не кто иной, как Витовт, не признавший прав Ягайло на литовскую столицу.

Первым путешественником, описавшим виленский пейзаж, стал рыцарь Гильбер де Ланноа, фламандский аристократ, ведший свою родословную из многих стран. Де Ланноа родился в 1386 году, так что крестили его, вероятно, почти одновременно с Литвой. Его, европейского патриция, кровь бурлила страстью к военному искусству и рыцарским приключениям, поэтому, едва дождавшись тринадцатилетия, он стал странствующим воином. После участия в сражениях в Англии, Бургундии и Испании зимой 1413 года он прибыл в Пруссию, чтобы примкнуть к традиционному походу против «северных сарацин». Однако оказалось, что он опоздал на несколько лет, поскольку после Грюнвальдской битвы Немецкий орден распался и *reusa* была отменена. Не имея возможности отличиться в военном походе в Прибалтику и изнемогая в отсутствие приключений, он решил стать наемным дипломатом, своеобразным профессиональным путешественником, политическим миссионером.

¹³ Ядвига официально носила титул короля Польши — Рех, поэтому, и сочетавшись браком с Ягайло, она сохранила свое право на монархическое первенство. По сути, Ягайло «вышел замуж» за Ядвигу и только после заключения брака был коронован как король Польши.

Неясно, с какой целью он направился в северные города Руси — Новгород и Псков. Оттуда его быстро изгнали как немецкого агента. После такого неудачного поворота он прибыл в соседнюю Литву и здесь, в отличие от Руси, оказался почетным и желанным гостем. Через восемь лет он снова посетил Литву, только на этот раз уже в качестве посла английского короля Генриха V, по пути в мусульманскую Сирию и управляемый мамлюками Египет, с тайной миссией возродить христианское королевство в Иерусалиме.

Путешествие от берегов Альбиона через Литву к дельте Нила представляется невероятным географическим невежеством, однако в начале XV века чрезвычайно расширившееся и политически окрепшее Великое княжество Литовское (ВКЛ) успешнее, чем любое другое государство континента, обеспечивало католической Европе мирные пути в царство ислама. Мало того, чтобы надежды вернуть Иерусалим имели смысл, непременно требовалось заручиться благосклонностью Литвы, важной восточной военной силы. Де Ланноа, видимо, путешествовал через Литву потому, что надеялся на дипломатическую поддержку. Кроме того, всех послов здесь обычно щедро одаривали, так что де Ланноа, однажды уже испытавший на себе литовское гостеприимство, рассчитывал несколько обогатиться.

Однако найти Вильну и тем более добраться до нее живым было непросто. Едва перейдя границу Литвы, де Ланноа начинает блуждать по большим и диким лесам, пересекает скованные льдом реки и озера. Два дня и две ночи он ехал, не встретив ни души. Первые скромные поселения показались вдалеке только на подступах к Вильне, где, по словам путешественника, томились «христиане, обращенные силою рыцарями Прусского и Ливонского орденов». В Вильне де Ланноа удалось встретиться с великим князем Литовским Витовтом. Страннические беды и неудобства были ему возмещены, поскольку правитель Литвы придерживался «в своей земле того почетного обычая, по которому иностранцы, прибывающие и проезжающие по его стране, ничего не издерживают». Вильна, кстати, еще не была похожа на каменную, хорошо укрепленную могущественную столицу европейского государства. Самым внушительным строением был огромный деревянный замок, «расположенный очень высоко на песчаной горе, с огорожей из камня, земли и кирпича». Сам город был «длинный и узкий» и «очень худо обстроен деревянными домами». В нем не было «ни одной церкви из кирпича». Иными словами, вроде как и не город, и не крепость, а открытое природе и врагу поселение без оборонных стен и укреплений, затесавшееся между Замковой горой и лесом. Местные жители говорили на своем «особенном» языке, поэтому общаться с ним было сложно. Мужчины носили «волосы длинные и распущены на плечах» — безбородому и коротко стриженному западноевропейцу такая мода казалась чуждой и варварской, — а женщины были одеты «просто, как будто по обычаю Пикардии», так что своей крестьянской внешностью напоминали фламандок и француженок¹⁴.

¹⁴ Емельянов В. Путешествия Гильберта де-Ланноа в восточные земли Европы в 1413–14 и 1421 годах [Электронный ресурс] // Киев. унив. изв.: сайт. 1873. № 8. С. 1–46. URL: <http://drevlit.ru/texts/1/lanoa2.php>.

Littaw ist auch ein weite gegent gegen dem auffgang an die Poln stoffende schier alle seeig vntd weldig Vitoldus ein buuder Vladislai hat daselbst geregirt vntd nach verlassen der abgötterey das sacrament cristi mit dem Polnischen königreich empfangen vntd zu seinen zeytten ein grossen namen gehabt. Den fürchten seine vnderthanen also sere weñ sie von ime gehaisen wardten sich zeehencken. so wolten sie ime lieber gehorsam erscheinē deñ in sein vngnad fallen. Welche ime widerspennig warñ die ließ er in ein bernhawt neen vntd den le bendigen bern zezereissen fürwerffen vntd auch mit andern grawsamē peynen verfolgen. wo er ritte so füeret er alweg einen gespañten bogen. wenn er dañ ymant ersahe der anderst geparet deñ ime gestelle so schoffe er ime alspald mit einem pfeil. vntd tödret vil menschen durch spil diser plätig wüetrich. Sindugal sein nachkomen neet ein berin die was gewenet prot auß seinen henden zenemen. offti in die welde zelawffen vntd widerkomende bis an des fürsten schlafkamer zeezen vntd an allen thüren zefragen vntd mit den füßē anzelopffen so yne hungret so tete ime deñ der fürst auff vntd gab ime die speys. Etlich edel iungling macheten einen anschlag vber disen fürsten vntd komen mit gewappenter hand für des fürsten schlafkamer an der thür nach weise der berin an klopfen de. Sindugal mainet die berin wer da vntd eröffnet die thür vntd wardt alspald von den edel lewten erstochen. Darnach geläget die heerschig disz lads an Casimir. Zu simer zeitē ist vor wassē zu de Littawen mit leichtiglich zekomē. zu wintterzeit fert man vber die gefromē see. Die kawlewz zyhē auff dē eyse vñ schne vñ füeret speys auf vil tag mit ime. Alda ist kein rechter gepanter weg. so sind auch alda selte stert vñ wenig döffer. Bey dē litawin

8. «Литва»: фантазмагорический портрет страны. Из «Weltchronik» (1493)

Де Ланноа также посетил город Троки, находившийся в «семи льё» от Вильны. В 1391 году Старые Троки были разрушены крестоносцами. Будучи родом из Троков, Витовт построил на озерном острове новый замок. По свидетельству де Ланноа, этот замок «весь нов и сделан из кирпича по французскому обычаю». Одаренный привилегиями и вниманием правителя, перерожденный и по-новому расположенный город стал космополитическим центром Литвы, в котором жили «немцы, литовцы, русские и огромное количество евреев», при этом каждый народ говорил «своим особенным языком». Наряду с евреями и христианами всех конфессий в Троках жило и много татар. Де Ланноа отмечал, что татары «настоящие сарацины, не имеют ничего христианского», однако Витовт, переселивший их в окрестности Вильны, не обращал на это внимания и даже поощрял их иноверие. Трижды крещенный — сначала крестоносцами, потом по православному обряду и, наконец, поляками — Витовт относился к вопросам религии и этноса с практической точки зрения. Де Ланноа охарактеризовал Витовта как «очень могущественного князя», одержавшего военные победы над двенадцатью или тринадцатью «государствами и землями» и таким образом ставшего очень состоятельным монархом, в чьей собственности находилось «10 тысяч лошадей своего седла, предназначенных для его особы». Однако не ускользнуло от внимания де Ланноа и то, что князь обедает в компании «сарацин», употребляет в пищу «мясо и рыбу в пятницу». Отметил дипломат и то, что получивший языческое воспитание Витовт, окруженный православными и сарацинами, с энтузиазмом поддерживал отлученных Папой от церкви чешских гуситов, в то время как католическая Европа организовала против них крестовый поход¹⁵.

Итак, католичество стало религией правителей Литвы, однако в Вильне оно не преобладало. В первой половине XV века гражданские и религиозные права католиков и православных были одинаковыми. В середине того же века в Вильне, вероятно, начали селиться евреи, потому что к 1490-м годам у их общины уже было собственное кладбище. В 1495 году весьма нетерпимо настроенный великий князь Александр приказал евреям покинуть город и, следуя примеру испанской короны, решил присвоить их имущество. Однако в Литве (в отличие от Испании) ссылка евреев была кратковременной: в 1501 году им было разрешено вернуться, и всё имущество было им возвращено.

Хотя Вильна изначально и не была основана с торговыми целями, Александр стремился привлечь в город как можно больше иностранных купцов. Для этого он издал указ, запрещающий иностранным торговцам, путешествовавшим через Литву, обходить стороной ее столицу. Таким образом в городе стали возводиться новые жилища для размещения заезжих купцов, а также торговые дома. Торговая монополия способствовала процветанию города и, естественно, ускорила его интеграцию в Европу. В 1498 году, когда не прошло

¹⁵ Емельянов В. Указ. соч.

9. Остробрамские ворота (польск. Ostra Brama) в 1924 году. Эти ворота — единственная сохранившаяся часть оборонной стены города

еще и четырех лет после первого случая сифилиса в Неаполе, в Вильне уже бушевала эпидемия. Чтобы город лучше контролировался и был защищен, Александр повелел окружить его каменной стеной с девятью воротами. Потребовалось два десятилетия, чтобы обстроить город стеной длиной в три километра и высотой в несколько метров. Довольно скоро из-за новшеств военной тактики оборонная стена стала стратегическим пережитком. Когда кладка стала осыпаться, виленцам, как и в прежние века, только и оставалось что молиться, чтобы их защитила (дикая) природа; и она действительно некоторое время успешно оберегала литовскую столицу от политических и религиозных бурь Европы.

Помимо купцов, ремесленников, воинов-наемников и изредка — людей искусства, в Вильну с запада в основном стремились духовники. Одним из первых (известных) гостей Вильны был итальянец Захарий Феррери: новая, ренессансная личность. За творческие достижения и гуманистические идеалы папа Лев X наградил Феррери титулом епископа Неаполитанского королевства. (Он же, судя по всему, был назначен и епископом Севастии, метрополии, утраченной католиками еще во времена крестовых походов, основанной в Святой земле, или анатолийской Армении.) Такое распределение церковных обязанностей в землях последователей Магомета давало мало финансовой или пасторской выгоды, но позволяло Феррери носить титул «епископа в землях неверных» — *in partibus infidelium*. Родившийся в северной Италии в 1479 году Феррери принадлежал тому поколению духовников, которые без всяких религиозных опасений переняли дух Ренессанса: языческое воображение античной Греции и Рима этому поколению было милее догматической христианской иконографии. За свои языческие, античные взгляды и поддержку церковной реформы в 1513 году Феррери был даже отлучен от церкви. Не дожидаясь суда, он бежал во Францию. Однако уже в следующем году его реабилитировал новоизбранный Папа — Джованни ди Лоренцо, отпрыск влиятельного семейства Медичи. Избравший имя Льва, Папа из семейства Медичи руководил Апостольским Престолом, не отказывая себе в роскоши и художественных изысках. Однако, пока Рим любовался фантазмагорическими зрелищами, неиссякаемой папской благотворительностью и наплывом изящных юношей (как и многие члены духовенства той эпохи, Лев X не был равнодушен к мужской красоте), Мартин Лютер и его сторонники стали требовать от Церкви возвращения к утраченному целомудрию и библейской простоте.

Легкомысленный и просвещенный Лев X все-таки, как и его предшественники, планировал крестовые походы, однако стремился он не к освобождению Израиля или спасению языческих душ, а к пресечению вторжений османов в Европу. С этой целью в 1520 году он поручил одному из своих фаворитов — Феррери — уговорить короля Сигизмунда I (брата Александра, ставшего впоследствии великим князем) примкнуть к крестовому походу. Феррери прославился в Риме тем, что его покровителем Папой ему было поручено переписать старую латинскую (и средневековую) псалтырь в духе

гуманизма. Такая поэтическая должность не помешала ему стать дипломатом. С целью объединения враждовавших христианских королей и сплочения их для войны с мусульманами Феррери был послан с миссией заключить вечный мир между Тевтонским орденом и государствами Литвы и Польши. Ему также было предоставлено право отправиться в Москву и «спасти» царя от схизмы — ортодоксальных убеждений, уговорив его присоединиться к экуменической, общехристианской борьбе с исламом. Идеалистически настроенный Феррери не выполнил ни одного дипломатического поручения: мирный договор между орденом и Польшей заключил правитель Священной Римской империи, давний противник Папы, а отправиться в Москву пожелал Феррери король Сигизмунд, не пожелавший утратить династических и церковных прав Литвы на русские земли.

Феррери, преданный Риму и Папе, своему покровителю, добился большого успеха в подстрекательстве правителя Польши и Литвы на борьбу с нарастающей волной лютеранской ереси. В Польше он организовал публичное сожжение книг Лютера — одно из первых в Европе — и поспособствовал изданию королевского указа, запрещавшего протестантскую печать. Опытенный успехом делегат стал подогревать неприязнь к православным, составлявшим в Литве большинство. На поле межконфессиональных боев Феррери обрел своего небесного покровителя, чей земной путь привел его в Вильну.

Папская курия уже некоторое время получала от представителей светской и церковной власти Литвы и Польши прошения начать процесс беатификации и канонизации королевича Казимира, старшего брата Александра и Сигизмунда. Папа Лев X заинтересовался этим благородным пожеланием и повелел Феррери собрать как можно больше исторических свидетельств и рассказов очевидцев о жизни болезненного королевича и связанных с ним посмертных чудесах.

Казимир, внук Ягайло и праправнук Гедимины, родился в 1458 году и с малых лет готовился стать королем. Его старший брат Владислав получил корону Богемии, а тринадцатилетнего Казимира отец отправил в поход на Венгрию, чтобы занять венгерский престол. Поход был неудачным, королевич потерпел позорное фиаско: наемная армия, не дождавшись оплаты, разбрелась и оставила молодого претендента на трон на милость судьбы и дезертиров-грабителей. Потрясенный таким бесчестьем, он вернулся домой, исполненный покаяния: отказался от придворной роскоши и молодых забав и направил всю свою энергию в русло аскетизма и целомудрия. Будучи богобоязненным, он стал много внимания уделять благотворительной и апостольской деятельности. Невзирая на вызывавшую беспокойство набожность королевича и его слабое здоровье (он, судя по всему, страдал от чахотки), отец назначил Казимира наследником престола. По настоянию отца королевич стал активно участвовать в жизни обеих стран и, часто посещая Литву, побуждал укреплять здесь влияние Католической церкви и ограничивать свободы православных. Однако юноша категорически отказался исполнять первейший долг королевской особы — сочетаться браком и произвести на

свет наследников, чтобы династическая слава потомков Ягайло была продолжена и распространилась по всей Европе. Несмотря на давление родителей, он отказался от руки дочери императора Священного Рима. Ходили слухи, что ангельски красивый и грациозный Казимир молится ночи напролет, истязает свое тело постом, душевными муками, жаждет едва ли не монашеской жизни. Когда дворцовые лекари по совету отца прописали королевичу соблазны Венеры — любовные игры — как действенное средство от чахотки (и мнимой импотенции), Казимир заявил, что лучше умрет и невинным войдет в рай, чем, предавшись смертным порокам, навеки утратит любовь Господа. Так и оставшись целомудренным, ранним утром 4 марта 1484 года, будучи двадцати пяти лет от роду, королевич был найден мертвым у ворот гардинского костёла. Его останки перевезли в Вильну, где Казимир был с почетом сопровожден на вечный покой «в костёле св. Станислава, мученика и епископа; в часовне Божией Матери Марии, которой вручил всю свою душу и целомудренное тело»¹⁶.

Набожности и целомудренной жизни было недостаточно для того, чтобы объявить Казимира святым: требовались чудеса. За ними Феррери и отправился в литовскую столицу, поближе к гробу королевича, «где, точно из глубокого источника, мы почерпнем более о его делах и чудесах». Путешествуя в течение трех недель по «не тронутым людьми лесам, необитаемой и часто болотистой местности» из Торуни в Вильну, находившуюся, как утверждали некоторые его современники, у черта на куличках, делегат ощущал всё усиливавшееся тепло Казимировой опеки. Всю дорогу тяжелое небо секло землю проливными дождями и грозowymi раскатами возвещало конец света. Однако Феррери оставался сухим, поскольку ежедневный дождь начинался только к ночи или когда странники уже достигали приюта. На самом деле, по словам легата, ливни облегчили дорогу, потому что «днем облака, точно щит, защищали нас от жаркого солнца, а ночной дождь казался небесной милостью, так как песчаную пыль, делающую дорогу невыносимой, ливнем прибывало к земле, и она не вредила глазам. С удивлением мы начинали понимать, что это божий дар, добрым Господом предоставленный за то, что мы с радостью взяли за дело удостоверения заслуг благословенного Казимира»¹⁷.

Метеорологическая драма достигла кульминации у Виленских ворот, где итальянца встретила восторженная толпа жителей. Отстояв мессу и поблагодарив за успешно преодоленную дорогу, Феррери, приветствуемый почтенными отцами — епископами Вильны, Киева и Каффы — и многочисленным отрядом католиков и схизматиков, был готов к вступлению в город. Тут небо снова затянулось: вдалеке скрестилась молния и прогремел гром. Но «достойно удивления было то, что, при входе в город, со всех сторон затянутое тучами потемневшее небо грозило прорваться таким обилием воды, что, казалось, нет никакой надежды избежать опасности потопа. Духовники

¹⁶ Ferrerius Z. Vita S. Casimiri // Ankstyvieji šv. Kazimiero "gyvenimai" / ed. by M. Čiurinskas. Vilnius: Aidai, 2004. P. 65.

¹⁷ Ibid. P. 73–75.

в торжественных облачениях (весьма дорогих), сенаторы и вельможи, красующиеся шелками, золотом и драгоценностями, и неисчислимая толпа — все, опасаясь сильного ливня, напряженно глядывались в небо». Но гроза, как нарочно, разразилась лишь тогда, когда Феррери и его спутники после торжеств у большого кафедрального алтаря были сопровождаемы в выделенные им покои. «Однако, едва мы шагнули под крышу, дождь зарядил внезапно и сильно: почти в то же мгновение, когда мы ступили в гостевой дом, начался и ливень». Такой впечатляющий финальный аккорд путешествия наверняка представлялся римскому делегату Божиим промыслом, свидетельством благосклонности Господа к своему слуге Казимиру¹⁸.

Феррери, скорее всего, знал о посещении Вильны другим уполномоченным Папы, Яковом Пизо, в 1514 году, то есть за шесть лет до визита Феррери. Пизо был родом из Трансильвании, но жил в Риме. В Вильну он прибыл в особое время — в период празднования польско-литовской победы над русской армией под Оршей. Слава в связи с разгромом армии царя приписывалась великому гетману литовской армии Константину Острожскому и польскому королю Сигизмунду I, брату Казимира. В Вильне Пизо пробыл всего пять суток, но за это время успел сложить шестнадцатистишие «*De Lithuania*» (опубликованное в 1533 году в Венеции), в котором упоминал о событиях каждого дня своего пребывания. В первый день усталый путник, утомленный жарой, как пилигрим в Святой земле, освежается прохладной виленской водой. На второй день он выражает почтение «светлейшему князю», на третий — «для всех настал праздник, когда мы услышали, что наш воин одолел вражеские отряды», на четвертый — «отмечали триумф короля, столько пленных командующих еще никто прежде не вел». На пятый день для уже всего насмотревшегося автора «час наступил счастливый», когда милостивый король наконец позволил ему покинуть город. «Что тут добавить?» — риторически вопрошает Пизо и завершает стихотворение так: «Прощай, литовская земля, будь здорова. Здесь не хотел бы я быть, даже если б ко мне относились, как к богу»¹⁹.

Пребывание в Вильне для Феррери, судя по его письмам, было совершенно иным опытом, не похожим на разочарование Пизо. Последний явно иронизировал над самомнением и честолюбием Вильны. Его стихи сатирические, он как бы уподобляет литовскую столицу Риму и Олимпу. Только, понятное дело, в виленских высотах даже (античные) боги умерли бы от скуки, ибо, сосланные из красочного мира в глухие леса, они всеми были бы забыты. Феррери, наоборот, облагородил Вильну, потому что был встречен если и не как божество, то во всяком случае торжественно, даже помпезно. Виленские католики, особенно вельможи и духовенство, льстили ему и угождали, поскольку от его впечатлений от визита зависела сакральная слава города — провозглашение Казимира благословенным и освящение его останков.

¹⁸ Ibid. P. 77–79.

¹⁹ *Piso J. De Lithuania // Gratulatio Vilnae = Vilniaus pasveikinimas / ed. by E. Ulčainaitė. Vilnius: Liet. lit. ir tautosakos inst., 2001. P. 26, 77.*

Феррери, казалось бы, был околдован литовским гостеприимством; пробыв в городе шесть месяцев — с сентября по февраль, — он всё не мог нарадоваться виленской роскоши. Его раздражала лишь религиозная толерантность, поэтому, воспользовавшись своим высоким положением, он срочно созвал синод и осудил все новые и старые отклонения от веры — учение Лютера и православные обряды. Лишь приближение зимы остудило апостольский пыл легата, потому что итальянцам, как он сам утверждал, «привыкшим к римскому климату... с легкостью могло навредить даже малейшее похолодание в этих краях». А Литва — «такой студёный край», где «даже звери в лесу замерзают, а деревья и бревна в стенах трещат и часто раскалываются от верхушки до корней», так что здесь быстро можно простудиться, и даже местные жители, «если долго задерживаются на улице, иногда отмораживают нос или кончики пальцев и нередко так сильно замерзают, что прощаются с жизнью». Однако такой грустный прогноз не подтвердился: видимо, Казимир умилостивил Господа, потому что в год пребывания Феррери выдалась самая теплая на памяти виленцев зима. Даже в сочельник итальянские гости могли днем и ночью быть на улице, бегать из одной церкви в другую, проклиная «заблуждения русских» и нисколько не вредя своему хрупкому здоровью. Ранним рождественским утром они «дежурили, горя не зная, <...> в то время, когда обычно бывает самый страшный мороз, на всеобщее удивление едва ощущая холод и едва ли в силах поверить, что на улице зима, хотя и пришлось немало настрадаться». За благодать умеренной зимы Феррери в первую очередь благодарил Казимира, своего нового небесного покровителя, и описывал неожиданную перемену погоды в качестве преамбулы к житию святого; литовцы, в свою очередь, явно искали себе земного покровителя: они «вторили друг другу в том, что, дескать, эту прежде невиданную, неслыханно теплую и ласковую погоду мы [итальянцы] привезли из города Рима»²⁰.

Всё же виленцы рассказали Феррери и о более очевидной силе чудес Казимира. В Вильне у его могилы тотчас исцелялись «глухие, немые, хромые, чахоточные и слепые». А одна девушка даже восстала из мертвых. Рассказывали, что и вовсе Литва жива лишь благодаря слегшему королевичу. За год или два до того, как было доложено Феррери, в Литву вторглись москвиты — более 60 тысяч всадников, — а им противостояли едва ли 2 тысячи литовских добровольцев. Жители оставленного без надежной охраны города поняли, что придется либо стать рабами иноземцев, либо умереть. Когда последние лучи надежды померкли, литовские воины со слезами пали на колени и стали молить Казимира о прощении за неуважение к нему. Молитва придала воинам храбрости, и, «вооруженные доспехами веры», они бесстрашно бросились на врага. Чудо, «редкое и в прежние времена, а в наши дни и вовсе неслыханное», спасло Литву от гибели: литовцы одержали победу без единой жертвы!²¹

²⁰ Ferrerius Z. Op. cit. P. 81.

²¹ Ibid. P. 67–71.

10. «Святой Казимир» (1749). Иконографическое изображение святого представляет его на фоне трех знаковых строений Вильнюса: часовни св. Казимира, Замковой горы и горы Трех Крестов

Еще будучи в Вильне, Феррери, собрав разрозненные свидетельства местных жителей о мнимых чудесах Казимира и добавив свои замечания о невероятно благосклонных погодных условиях, описал святую жизнь королевича. Первое житие Казимира, выпущенное в 1521 году, преподносило жизнь святого по-человечески, согласно духовным принципам гуманизма: туда были вплетены эпизоды из повседневности королевской семьи, факты из истории края, географические и этнографические подробности. Надо сказать, что у св. Казимира в Вильне были конкуренты. Согласно русским хроникам, в 1347 году трое литовцев, придворных князя, просвещенных православием, решили креститься. Втайне они получили христианские имена — Антон, Иоанн и Евстахий — и вели христианскую жизнь среди язычников. Вскоре они были разоблачены идолопоклонниками и, как первые римские христиане, приняли мученическую смерть. Через их муку Вильне открылся просвет в византийский, греческий мир; через несколько десятилетий их останки были перемещены в константинопольский собор Святой Софии — Византийскую базилику. Почитание трех виленских мучеников продолжалось и после завоевания Константинополя османами, а позднее, в 1549 году, их имена были внесены во всеобщий русский православный календарь святых и попали под опеку Москвы. Превознося Казимира — дитя католической Европы, — Феррери стремился заглушить (византийскую и русскую) сакральность Вильны.

Работая над житием Казимира, монсеньор Феррери отчасти изобретал и собственную европейскую географию, обнаруживая не только духовные, но и генеалогические связи между Римом и Вильной. Прежде всего он обратил внимание на то, что топонимы «Литва» и «Италия» (*Lituania* и *Italia* на латыни) — точно разлученные в миг рождения близнецы. Поэтому оба названия он объединил географически, создав неологизм *Litalia*, и объяснил логику такой аналогии тем, что, дескать, в античные времена итальянцы, поддержавшие сторону «великого Помпея» и вынужденные бежать из Рима, отправились в северные земли²². Конечно, Литва, «край суровых холодов, где лето видят редко», — полная противоположность Италии. *Litalia*, удаленная от теплых берегов Средиземного моря и не защищенная Альпами, со всех сторон «окружена равнинами и лесами, озерами и болотами». Поэтому земля здесь «не знает виноградников, не приносит плодов», но леса полны «маленьких зверюшек, чьи дорогие шубки используются для украшения одежд и защиты от холода»²³. Связывая Италию с Литвой, римский гость помещал литовскую столицу на карту античного мира. Вильна, как и Рим, была основана на скрещении торговых путей, поэтому и добро стекалось сюда «как от Германского [Северного] и Сарматского [Балтийского] морей, так и от Понта Эвксинского [Черного моря], Армении и Скифии, а кроме того, из Фракии и почти со всей Греции и Болгарии»²⁴.

Епископ Феррери превозносил Казимира за то, что тот был королевским симбиозом Литвы и Италии: римская (католическая) душа и литовское тело

²² Ferrerius Z. Op. cit. P. 51.

²³ Ibid. P. 75.

²⁴ Ibid.

Ягеллона. Поэтому и житие Казимира он завершил прославлением Вильны как ориентира для единения католиков:

Да возрадуется славная и прекрасная Италия, давшая первоначально благородной итальянской и литовской знати, из которой произошел и Казимир. Да возрадуется широкая и просторная Сарматия, которая, преодолевая всю стужу, весь холод, преодолевая собственное неплодородие, возрастила это красивейшее и счастливейшее древо жизни, этот сладчайший плод добродетели и чести. Да возрадуется святая и набожная мать Церковь, вознесшая его к свету, как сына Христа и как своего крепкого воина <...>. И более всех да возрадуется Вильна — видный город, который и впредь будет хранить эти белейшие кости, эти дражайшие мощи и святейшие реликвии как залог бессмертия и славы. Да возрадуются все церкви Христовы, святые дома да отзовутся восхвалением Господа Бога, да зазвучат — там песнопения, тут хоралы и органы!²⁵

Торжественное прославление Казимира опередило события на столетие. Ватикан не нашел недостатков в святом житии Казимира, однако в 1521 году скончался покровитель Феррери папа Лев X, да и сам он, едва вернувшись из Литвы, вскоре отправился в вечность. Когда имперская армия в 1527 году razорила Рим на фоне всё усиливавшихся религиозных распрей Европы, Апостольскому Престолу было не до беатификации набожного сарматского королевича. В Вильне Казимир не был забыт, но, пока протестанты ожесточенно сметали с неба святых и очищали землю от идолопоклонничества, католики в Литве оставались беспризорным народом, стадом агнцев без небесного пастыря.

²⁵ Ibid. P. 83–85.

II. Сарматия — порог Литвы и Жемайтии.
 Из «La cosmographie universelle» (1572)

Серия «HSE Bibliotheca Selecta»

Научное издание

Лаймонас Бриедис

ВИЛЬНЮС

Город странников

Второе издание

Заведующая книжной редакцией *Елена Бережнова*

Редактор *Ольга Шестопалова*

Корректор *Ольга Шестопалова*

Дизайн серии и верстка: *Даниил Бондаренко, Дмитрий Мордвинцев*
(ABCdesign)

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг обращайтесь в отдел реализации

тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15295, 15297

bookmarket@hse.ru

В оформлении обложки использована хромолитография

В. Адама и Л. Бишебуа по картине М. Залеского

«Остробрамская улица в первой половине XIX века»

(из «Виленского альбома» Я.К. Вильчинского. Париж, 1846)

Подписано в печать 06.07.2021. Формат 70×100/16

Гарнитура Arno. Усл. печ. л. 27,3. Уч.-изд. л. 22,4

Тираж 1000 экз. Изд. № 2549

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20,

тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в типографии SIA «PNB Print», Латвия

www.pnbprint.eu

